

Научная статья

УДК 821.161.1.09-31+929[Чернышевский+Есенин]

О влиянии романа «Что делать?» Н. Г. Чернышевского на повесть «Яр» С. А. Есенина

Е. А. Самоделова

Институт мировой литературы имени А. М. Горького Российской академии наук (ИМЛИ РАН), Россия, 121069, г. Москва, ул. Поварская, д. 25а

Самоделова Елена Александровна, доктор филологических наук, старший научный сотрудник отдела фольклора, helsa@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3856-0578>

Аннотация. Имеются доказательства знакомства Есенина со «Что делать?» Чернышевского, что произошло еще в юности будущего поэта, в период его обучения в Спас-Клепиковской второклассной учительской школе в 1909–1912 гг. Из романа писателя XIX в. отдельные повороты сюжета (линия «живого трупа»), некоторые стилистические находки и суждения автора (о тайне, лжеце, Гамлете) как бы перекочевали в повесть поэта XX в., безусловно, в завуалированном и трансформированном виде. Также можно предположить, что один из моментов ссылки Чернышевского отразился во второстепенном персонаже повести Есенина (г. Вилуйск и Вихлюйский стрелок – с выпадением одной буквы). Между тем любые суждения о влиянии поэтики Чернышевского на художественную ткань повести Есенина остаются гипотетическими, в связи с чем приводятся и иные возможные трактовки «темных мест» «Яра». Есенина могли привлечь биографические данные ряда героев (упоминание г. Рязани и р. Оки) в связи с собственным местом рождения на Рязанщине, а также новаторский подход к романному жанру (с включением снов и наличием других вставок); сам поэт также внедрил в «Яр» множество дополнительных элементов – этнографические описания свадьбы и обряда опахивания против эпизоотии, фольклорные цитаты из необрядовых песен и погребального плача, пословицы и поговорки и др. В итоге сложная композиционно-сюжетная структура повести Есенина вполне сопоставима с многоплановостью романа Чернышевского, с его авантюрной линией, со множеством философских отступлений, с поездками героев (мотив странничества). В отличие от «Что делать?», нацеленного в будущее, «Яр» рисует крестьянскую повседневность и традиционную праздничную культуру, изобилует обрисовками регионального сельского быта, что со временем стало ценной этнографической констатацией.

Ключевые слова: «Что делать?» Н. Г. Чернышевского, «Яр» С. А. Есенина, образы Рязани и Оки, концепт тайны, Гамлет, Вихлюйский стрелок

Для цитирования: Самоделова Е. А. О влиянии романа «Что делать?» Н. Г. Чернышевского на повесть «Яр» С. А. Есенина // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2023. Т. 23, вып. 1. С. 73–79. <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2023-23-1-73-79>, EDN: CQXGTE

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

On the influence of the novel *What is to be done?* by N. G. Chernyshevsky on the story *Yar* by S. A. Yesenin

E. A. Samodelova

A. M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Science, 25a Povarskaya St., Moscow 121069, Russia

Elena A. Samodelova, helsa@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3856-0578>

Abstract. There is evidence of Yesenin's acquaintance with *What is to be done?* by Chernyshevsky, which happened during the adolescent years of the future poet, while he was studying at the Spas-Klepikovskaya second-class teacher's school in 1909–1912. From the novel by a 19th century writer individual plot twists (the "living corpse" line), some stylistic findings and the author's judgments (about the mystery, the liar, Hamlet) seem to have migrated to the story of the 20th century poet, of course, in a veiled and transformed form. It can also be assumed that one of the moments of Chernyshevsky's exile was reflected in a minor character in Yesenin's story (the city of Vilyuysk and the Vihlyuyskiy shooter – with the loss of one letter). Meanwhile, any estimations of the influence of Chernyshevsky's poetics on the artistic fabric of Yesenin's story remain hypothetical, for which reason other possible interpretations of the "dark places" of *Yar* are given. Yesenin could be attracted by the biographical data of a number of heroes (the city of Ryazan and the Oka river are mentioned) in connection with his own place of birth in the Ryazan region, as well as by an innovative approach to the novel genre (with the inclusion of dreams and the presence of other insertions); the poet himself also introduced many additional elements into *Yar* – ethnographic descriptions of the wedding and the ritual of plowing around the village against epizootic, folklore quotations from non-ritual songs and funeral lamentation, proverbs and sayings, etc. As a result, the complex compositional and plot structure of Yesenin's story is quite comparable to the multifaceted nature of Chernyshevsky's novel, with its adventurous line, with

many philosophical digressions, with the trips of the heroes (the motive of wandering). Unlike *What is to be done?*, aimed at the future, *Yar* depicts everyday life of peasants and traditional festive culture, it is replete with sketches of regional rural life, which eventually has become a valuable ethnographic material.

Keywords: *What is to be done?* by N. G. Chernyshevsky, *Yar* by S. A. Yesenin, images of Ryazan and Oka, concept of mystery, Hamlet, Vkhlyuisky shooter

For citation: Samodelova E. A. On the influence of the novel *What is to be done?* by N. G. Chernyshevsky on the story *Yar* by S. A. Yesenin. *Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism*, 2023, vol. 23, iss. 1, pp. 73–79 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2023-23-1-73-79>, EDN: CQXGTE

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Впервые вопрос об опосредованном влиянии романа «Что делать?» Н. Г. Чернышевского на юношескую повесть «Яр» С. А. Есенина (1915) поставил рязанский лингвист А. А. Никольский в 2020 г. Он возвел сюжетную линию с исчезновением главного героя К. А. Карева, будто бы утонувшего в реке, к пьесе «Живой труп» Л. Н. Толстого (спектакль поставлен в 1911 г. в Москве, и его мог видеть Есенин), подобный мотив которой, в свою очередь, восходит к роману «Что делать?» Н. Г. Чернышевского и является развязкой ситуации с любовным треугольником [1]; уточним, что шляпа Д. С. Лопухова была прострелена и лежала на мосту, а шапку К. А. Карева нашли целой в весенней полынье.

Добавим: помимо такого окольного пути к сюжету Чернышевского через его переосмысление Львом Толстым у Есенина имелся и более простой путь. Существуют свидетельства самого будущего поэта и его современника о чтении еще в школьную пору романа «Что делать? Из рассказов о новых людях» (1862–1863), который после журнальной публикации в «Современнике» в 1863 г. был опубликован отдельной книгой в 1867 г. Далее вышло зарубежное издание «Чернышевский Н. Г. Суд над Чернышевским и Что делать?: Роман, написанный им в заключении 1862–1863» (1876) [2]. В Российской государственной библиотеке, именованной при жизни Есенина Румянцевским музеем (поэт посещал его), хранятся вырезки из журнала «Современник» (1863, т. 95–96), изготовленные в 1898 г. и озаглавленные следующим образом: «Н. Г. Чернышевский. Что делать?: роман, написанный им в заключении 1862–1863» [3].

Скорее всего, Есенину был доступен роман в одном из двух изданий (оба вышли в 1906 г. и помечены как 3-е изд., под ред. сына М. Н. Чернышевского): Полное собрание сочинений Чернышевского в 10 томах (Т. 9) [4] или, более вероятно, отдельное издание романа «Что делать?» [5].

После Октябрьской революции в 1918 г. издано Полное собрание сочинений Н. Г. Чернышевского в 10 т., в томе 9 которого был помещен роман «Что делать?» [6]. Следующие отдельные издания романа выходили уже после смерти Есенина, начиная с 1929 г.

Будущий поэт ознакомился со «Что делать?» еще в период учебы в Спас-Клепиковской второклассной учительской школе в 1909–1912 гг., хотя роман не изучался по программе. Одноклассник Я. А. Трепалин вспоминал о вечерних дискуссиях в школе-интернате на 3-м году обучения, в 1911/1912 учебном году: «Порой между учениками вспыхивали жаркие споры. При этом наиболее активных спорщиков называли именами писателей и критиков: Есенина – Пушкин, Смирнова – Белинский, Тиранова – Чернышевский» [7, с. 66; 8, с. 127].

О Чернышевском до рождения Есенина и при его жизни существовала большая критическая и биографическая литература, часть которой или хотя бы отдельные книги, вероятно, читали учащиеся школы в с. Спас-Клепики: возможно, поэтому (помимо пристрастия к роману) Тиранов получил свое прозвище. На наш взгляд, наиболее интересной, написанной доступным языком и тематически всеохватной является биография «Николай Гаврилович Чернышевский. Его время, жизнь и сочинения» Н. Ф. Денисюка (1908) [9]. Она напечатана за год до поступления Есенина в школу и, следовательно, была самой новой биографией писателя-философа.

В середине (?) декабря 1912 г. из Москвы Есенин сообщал в письме другу по той же школе Г. А. Панфилову: «На все твои слова я мог бы сказать, как Рахметов (“Что делать?”, Чернышевский): “Ты или подлец, или лжец”» [10, т. 6, с. 27, № 16].

Есенин дал неточную цитату из главы 3 раздела ХХIX¹ «Особенный человек», где передан диалог с Рахметовым: «Через полчаса он сказал: “Ясно, что продолжать бесполезно. Ведь вы убеждены, что я человек, заслуживающий безусловного доверия?” – “Да, мне сказали это все, и я сам теперь вижу”. – “И все-таки остаетесь при своем?” – “Остаюсь”. – “Знаете вы, что из этого следует? То, что вы или лжец, или дрянь!”» [4, с. 189]. Собеседник осмеливался не соглашаться с Рахметовым, которому его доводы казались убедительными, и в итоге ему пришлось объяснять, чем «в настоящем случае» [4, с. 190] отличаются эти типажи. Собеседник впоследствии хотя бы в

¹ Название «раздел» дано нами условно, так как у Чернышевского стоят только римские цифры.

уме признал правоту Рахметова: «<...> он говорит таким тоном, без всякого личного чувства, будто историк, судящий холодно не для обиды, а для истины, и сам был так странен, что смешно было бы обижаться <...>» [4, с. 189–190].

Как свидетельствовали современники поэта и отмечают современные есениноведы, изучающие цитаты в произведениях Есенина, он обладал прекрасной памятью, обычно цитировал литературные фрагменты, не сверяясь с первоисточниками, и допускал неточности, особенно в прозаических строках из-за отсутствия в них легко запоминающихся рифм; но ведь он был поэтом, а не ученым, и имел полное право перефразировать и всячески трансформировать исходные фразы других литераторов. Употребление слова «подлец» вместо «дрянь» в письме Есенина объясняется тем, что первая лексема также встречается в романе Чернышевского, причем часто [4, с. 34, 94, 96, 97, 170]; вторая (с дериватами – «дряноватый», «дрянное», «дрянные», «дрянно») тоже обладает большой частотностью [4, с. 37, 53, 66, 86, 101, 110, 136, 150, 189, 190, 209, 269, 282, 284, 288]; собственно «дрянь» употребляется реже, чем ее производные (в изучении частотности мы использовали механизм компьютерного поиска по корневой морфеме). Значение слова «дрянь» восходит к семантике ‘сора, мусора’ и могло показаться Есенину, прекрасно владевшему рязанским диалектом с детства, неподходящим для письма (школьная программа включала обучение эпистолярным этикетным нормам), поэтому будущий поэт и допустил путаницу. Так, в говоре д. Деулино Рязанской обл. и р-на «дрянь» обозначает ‘гной’ [11, с. 154]. Или: «дрянить» – «сорить, мусорить» (1847), «сорить, особенно стружками, разными обрезками» (В. И. Даль); «дрянуться» – «покрываться сором, замусориваться»; очевидно, есть связь между «дранкой» (щепой) и «дряню» (сорными стружками, щепками) [12, с. 229]. В Костромской губ. отмечены «дран» – «дрянь (мусор, отбросы, грязь; мелкие сухие ветки, щепки и т.п.)»; «дрянушник», «дрянушников» – «человек, одетый в тряпье, лохмотья; оборванец» [12, с. 229]. В то же время слово «дрянь» Есенин употребляет в более поздний период в своем творчестве, вообще насыщенном диалектизмами; оно появилось в стихотворении «Синий день. День такой синий» (<октябрь 1925>²): «И зачем в такую рань // Он поет – дурак и дрянь?» [10, т. 4, с. 280]. В «Пой же, пой. На проклятой гитаре...» (<1923>) и в двух его ранних вариантах: «Пусть целует она другова, // Молодая, красивая

дрянь»; «Пусть целует она другова, // Изжитая, красивая дрянь» [10, т. 1, с. 173, 339]. И в журнальной публикации стихотворения «Ты прохладой меня не мучай...» (1923; опубл.: 1924): «Как заборная надпись и дрянь» [10, т. 1, с. 349]. И в «Моем пути» (<1925>): «На кой мне черт, // Что я поэт!.. // И без меня в достатке дряни» [10, т. 2, с. 162]. И в «Сказке о пастушонке Пете, его комиссарстве и коровьем царстве» (7/8 октября 1925): «С эдаким товаром // Дрянь быть комиссаром» [10, т. 2, с. 172]. И в статье «Дама с лорнетом» (<1925>): «Вы продажны и противны в этом, как всякая контрреволюционная дрянь» [10, т. 5, с. 230]. Очевидно, со временем Есенин стал осознавать допустимость использования просторечий в художественном творчестве ради усиления выразительности определенных моментов.

Вероятно, именно с Тирановым Есенин имел возможность обсуждать многие детали романа Чернышевского: имя однокашника неоднократно всплывало в период учебы в с. Спас-Клепики в письмах к Г. А. Панфилову в июне 1911 г., к К. П. Воронцову 10 мая 1912 г. [10, т. 6, с. 7, № 1, с. 9, № 3]. Учитель Е. М. Хитров в «Моих воспоминаниях о Сергее Есенине» 25 февраля 1924 г. также назвал фамилию Тиранова: «Из них наиболее выдающимся был некто Е. Тиранов, рабочий с Великодворского завода. У Тиранова муза была мрачная, скорбная, стих тяжеловатый, занимали его более гражданские темы. Произведения его были обширны по объему, простираясь до поэм, но мысли в них кипели, чувство клокотало. <...> Не знаю, где теперь Тиранов и как сложилась судьба его. Говорят, что он уехал куда-то в Сибирь и слуху о нем нет» [13, с. 140].

Вся жизнь Есенина показывает, что она выстраивалась сознательно в расчете на любителей словесности, проводилась напоказ как захватывающее зрелище с публичным чтением стихов в кафе имажинистов «Стоило Пегаса», в Политехническом музее и т.п., с переименованием одной из московских улочек в улицу поэта и с начертанием нецензурных стихов на стенах Страстного монастыря, включала маскарадные костюмы и разные сценические образы (от кудрявого Леля до Пушкина в цилиндре и пальмерстоне) и т.д. [14]. Есенин утверждал, что он не любит авантюрные романы, но в числе приобретенных им около двух десятков книг в свой первый приезд в Москву называет «уголовные романы лубочных изданий» – «Графиню-нищую» и «Ваньку Каина» (последний упомянут у Чернышевского в VII разделе 2-й главы) [4, с. 54], купленные для своего смертельно больного школьного друга Г. А. Панфилова в январе 1914 г. [10, т. 6, с. 56, № 33]. Безусловно, Есенин не мог пройти мимо романа «Что делать?», со-

² Здесь и далее угловые скобки при датах произведений Есенина показывают их приблизительность и условность, даны современными текстологами-комментаторами – в отличие от дат, поставленных самим поэтом.

зданного в камере Петропавловской крепости колоритной фигурой – политическим заключенным, сыном священника, философом, другом Н. А. Некрасова и Н. А. Добролюбова, одним из фактических редакторов журнала «Современник», издававшегося И. И. Панаевым. Философские вопросы волновали будущего поэта в юности и отражены в письмах к тому же Грише Панфилову и юной учительнице М. П. Бальзамовой в 1912–1914 гг. [10, т. 6, с. 10–17, 22, 25, 27–42, 47–54, 59–60]. Уже сами необычные условия написания романа в тюремном замке, тайная пересылка его на волю по частям, нахождение способа не подпасть под цензурный запрет, многослойность сюжета (с его авантурной частью и лихо закрученной интригой, с психологическим комментированием, с экономическими выкладками, с многолинейностью действий) со множеством авторских отступлений, с историко-политическими размышлениями, с включением снов героини с изображением будущего – все эти факторы были призваны привлечь внимание читателей-интеллигентов, к числу которых, безусловно, относил себя Есенин, несмотря на происхождение (точнее, своего лирического героя) – «крестьянский сын» в позднем стихотворении «Мелколесье. Степь и дали...» (21–22 октября 1925) [10, т. 1, с. 291].

Показательно, что в романе Чернышевского многократно упомянуты г. Рязань и р. Ока, милые сердцу Есенина как уроженца Рязанской губернии, тем более проживавшего в селе на берегу этой реки. Отец главного героя Д. С. Лопухова был «рязанским мещанином», сам он собирается в этот город и его жена Вера Павловна тоже, она получает письмо о поездке мужа туда (раздел II главы 2-й, разделы XXVI–XXVII главы 3-й, разделы I, II и V главы 4-й) [4, с. 39, 179, 219, 223, 225, 228–229]. Именно Оку как прибрежную территорию счастливого проживания народа называет «старшая сестра», восьмая и последняя по счету в исторической смене мифологических богинь в «Четвертом сне Веры Павловны»: «Да, ты видишь невдалеке реку, – это Ока; эти люди мы, ведь с тобою я, русская!» (в разделе XVI главы 4-й) [4, с. 260]. Также в романе Чернышевского в разделе XI главы 4-й приведено воспоминание автора об увиденном страшном пожаре и мысль о том, что помощь в его тушении способствует исчезновению страха [4, с. 242]; ср. описание пожара – «в глаза ударило пламя с поселка Чухлинки», «Попы горят» – и участие в его ликвидации героев «Яра» Есенина [10, т. 5, с. 84]. Интересно, что в «Яре» Есенина, наоборот, нет гидронима Ока, несмотря на проживание автора на ее берегу и на расположение упомянутых в повести селений и других объектов возле этой реки.

Может быть, даже Вихлюйский стрелок в «Яре», приславший письмо о будто бы утонувшем в проруби К. А. Кареве его родителям, намекает (с выпадением одной буквы) на р. Вилюй в Сибири и г. Вилюйск, в котором находился Чернышевский на последнем этапе политической ссылки? А. А. Никольский, не комментируя эпитет, указывает на семантику «стрелка» как ‘лесника’, ссылаясь на «Толковый словарь живого великорусского языка» В. И. Даля [1, с. 48]. В повести говорится: «Не вернулся Костя с охоты, а после Пасхи пришло письмо от Вихлюйского стрелка» [10, т. 5, с. 59].

Однако равно вероятны и другие версии. Например, что Вихлюйский стрелок (заглавную букву мог поставить редактор или корректор) означает ‘высоченного неуклюжего попрошайку’, так как обобщающую семантику неразрывного словосочетания (устойчивого клише) можно вывести из значений его составных частей: 1) «вихлюй» – «жердяй, неуклюжий, длинный, худощавый человек» (рязанск.) [15, с. 184]; 2) в переносном смысле «стрелок» – «ловкий попрошайка, вымогатель» (моск.) или даже «вор-карманник» (владим.) [16, с. 304; 17, с. 320–321]. Если принять во внимание синонимические эпитеты – напр., «вихляватый», «вихляеватый» в значении «ненадежный; такой, на которого опасно положиться» (псков., вологод.) [16, с. 304], то коннотация «крылатого выражения» сдвинется в сторону ‘опасного попрошайки-вымогателя’.

В книге «Москва и москвичи. Очерки старомосковского быта» в очерке «Хитровка» В. А. Гиляровский употребил подобное словосочетание с похожим значением: «<...> Коська был избит Сашкой и переведен в “пешие стрелки”, “с ручкой”» [18, с. 39]. В очерке «Сухаревка» писатель-москвовед привел нейтральное значение слова: «<...> а “стрелки” скупают повсюду отдельные книги в одиночку и перепродают букинистам, собиравшимся в трактирах на Рождественке, в Б. Кисельном пер. и на Малой Лубянке» [18, с. 60]. До сих пор в московском диалекте бытует глагол «стрельнуть» в значении ‘выпросить’: например «стрельнуть сигарету» (запись Е. А. Самоделовой в Москве в конце XX в. – архив автора). А при жизни Есенина было известно следующее: «Стрелок – так называют себя московские профессиональные нищие», чья территория влияния доходила до Крестецкого у. Новгородской губ. [17, с. 320]. И характеристика их была такой: «Нигде и никогда не захочет стрелок стать наравне с кусочником-нищим, собирающим по преимуществу хлебом... особенный стрелковый способ собирания денег породил и развил в них необыкновенную изобретательность, находчивость и такую сметливость, искусство выпро-

силь у всякого встречного-поперечного, до какой разве достигают странствующие шарлатаны» [17, с. 320–321].

Употребленное Есениным двухсловное клише не зафиксировано в областных словарях, но художественная топонимика «Яра» и прообразы упомянутых населенных пунктов, включая реальный хутор Яр, находятся в диалектной зоне Владимирско-Рязанско-Московского пограничья. В повести имеется несколько сюжетных линий с нападением нищих странников, «прохожих» и «прохожалок», на других странствующих людей, в том числе истинных богомольцев (см. вымышленный случай с Аксюткой и «хлюстом» и гибель Натальи Каревой). Аксютка рассказывает Кареву «страшный случай» с псевдопризнанием: «С богомольцами, думаю, лучше промышлять» [10, т. 5, с. 47]. Побирושка приписывает несчастной Наталье, отправившейся в Киево-Печерскую лавру, свой противозаконный образ действий: «<...> знаем мы вас, прохожалок. Нахайте с чужой крови-то, а потом раздаете» [10, т. 5, с. 114]. Иными словами, некоторые крестьяне прямо рассуждают о воровстве как доходном «отхожем промысле».

Но возможно и прочтение «вихлюйского стрелка» как метафоры с ироническим звучанием, с обозначением вора-неудачника, что основывается на другом значении эпитета: «вихлюй» – «разиня, ротозей, нерасторопный человек» (яросл., тамб.) [16, с. 304]; словечко с такой семантикой распространено примерно в той же географической зоне, с Рязанщиной – ее ядром. Согласно двум этим гипотетичным трактовкам получается, что именно Вихлюйский стрелок задает интригу с «живым трупом», а сам «условный мертвец» Карев мог даже не догадываться об этом (в отличие от Д. С. Лопухова у Чернышевского), если только он не был соучастником, а просто тонул в полынье и выбрался из нее, потеряв шапку «с адристом» [10, т. 5, с. 59].

Впрочем, возможна и более простая семантика словосочетания, основанная на первоначальном смысле «стрелка» как «охотника», или на «выросшем» из него значении – «лесник; лесной сторож при казенном дачном участке» (Смолен., Северо-Запад., Вологод., Орлов.) [17, с. 320]. В «Толковом словаре живого великорусского языка» В. И. Даля отмечен «стрелок» – «кто стреляет; охотник ружейный, ловец, лесник, полевщик, промышляющий ружьем зверя и птицу», а также «стрелок, застрельщик, солдат из передового, рассыпного строя» [19, с. 315].

В романе «Что делать?» фигурирует «Гамлет» Шекспира: раздел VIII главы 2-й называется «Гамлетовское испытание»; «В четверг было Гамлетовское испытание по Саксону Грамма-

тику» (в разделе XI главы 2-й); Марья Алексевна «будто читала Саксона Грамматика, рассказывающего, как испытывали Гамлета в лесу девицею» (в разделе VII главы 2-й) [4, с. 57, 67, 56]. В «Яре» Есенина вроде бы нет отголосков трагедии Шекспира, однако мысль Чернышевского, вложенная в уста его героини, об испытании «Гамлета в лесу девицею» находит непосредственную параллель с любовным испытанием К. Карева «лесной русалкой» Лимпиадой, и этот жизненный экзамен он и его любимая девушка не выдержали, оба погибли.

В дальнейшем прямые упоминания и отсылки «Гамлета» и самого Шекспира окажутся в «Ключах Марии» (1918), «Пугачеве» (1921), «Стране Негодяев» (1922–1923) Есенина, в письме к А. Б. Мариенгофу не ранее 20 июля и не позднее августа 1922 г.; большинство из них подробно рассмотрено Н. И. Шубниковой-Гусевой [10, т. 6, с. 146, т. 3, с. 557–562; 20; 21].

У Чернышевского тема Шекспира встречается еще в связке с Боккаччо, что уже далеко от Есенина; писатель XIX в. в разделе XV главы 3-й рассматривал средневековых литераторов в качестве доказательств, что народные нравы за 500 лет стали менее грубыми, и приводил сложный двойной диалог автора с «проницательным читателем» и Верочки с Кирсановым: «<...> уж, конечно, не услышит от него ни одной светлой, свежей, чистой мысли, которых у Боккаччио так много»: – ты правду говорил, мой милый, что у него громадный талант. Некоторые его рассказы надобно, по-моему, поставить рядом с лучшими Шекспировскими драмами по глубине и тонкости психологического анализа» [4, с. 249]. Устами своих персонажей Чернышевский высказывает суждение о том, что «грубый фарс» половину тысячелетия назад не считался «слишком площадным» и «неприличием» [4, с. 249].

Чернышевский неоднократно упоминается в книге «Слова и жизнь» (1909) Д. В. Филофова [22, с. 285, 295, 297]. На факт вручения автором трех книг поэту обратила внимание Н. М. Солнцева: «В 1915 г. Д. Филофов дарит Есенину свои книги “Неугасимая лампада: Статьи по церковным и религиозным вопросам” (1912), “Старое и новое: Сборник статей по вопросам искусства и литературы” (1912), “Слова и жизнь: Литературные споры новейшего времени (1901–1908 гг.)” (1909)» [23, с. 112]. Все книги имеют дарственные надписи Д. В. Филофова от 12 и 15 апреля 1915 г., т.е. незадолго до написания «Яра» [24, с. 346–347].

Мы не рассматриваем причины, по которым Чернышевский, родившийся в г. Саратов, учившийся в Саратовской духовной семинарии и Петербургском университете, сделал одного

из своих основных героев уроженцем Рязани и вывел Оку главной рекой сна-мечты Веры Павловны, но, безусловно, Есенин должен был обратить внимание на родные ему топоним и гидроним. Заметим в качестве гипотезы, что Рязанщина могла появиться в романе из уважения Чернышевского к И. И. Срезневскому, чей священнический род происходил из с. Срезнево Спасского у. Рязанской губ., находящегося на Оке (родословные и биографии обоих лиц и/или их предков были схожи происхождением из духовного сословия, наделением топонимическими фамилиями; ср. рождение отца Чернышевского в с. Чернышёво Чембарского у. Пензенской губ.). И. И. Срезневский был профессором кафедры славянской филологии и археологии в столичном университете, научным руководителем Николая Гавриловича по работе над составлением словаря к Ипатьевской летописи [9, с. 62–63]. Хотя Срезневский посетил единственный раз с. Срезнево в 1877 г., уже после создания романа Чернышевским, но он мог мечтать об этой поездке и рассказывать своему ученику о «малой родине» отца (ученый даже завещал себя похоронить там).

Кроме того, имеются автобиографические параллели из жизни Есенина и его героя К. Карева, совпадающие даже в празднично-календарной хронологии: события – оцениваемые как печальные – связаны с самым радостным христианским праздником Пасхой, что вызывает психологический диссонанс. В «Яре» отец Константина получает письмо от Вихлюйского стрелка с описанием гибели сына: «Посылаю свое почтение Анисиму Панкратьеву, я знал хорошо твоего сына и спяшу с скорбью поведать, что о второй день Пасхи он переправлялся через реку и попал в полынью. // На льду осталась его шапка с адристом, а его, как ни тыкали баграми, не нашли» [10, т. 5, с. 59]; в письме к Г. А. Панфилову в ноябре 1912 г. из Москвы Есенин сообщал о своем плане: «После Пасхи, как сказал мне дядя, еду в Петербург в имение, которое недалеко находится от Финляндии и где живет он сам. Эх, теперь, вероятно, ничего мне не видать родного» [10, т. 6, с. 24, № 14; 8, с. 153] (поездка неизвестна).

Образ (концепт) тайны является очень характерным и частотным для творчества Есенина: он встречается и в лирике, и в поэмах (в том числе в «маленьких поэмах»), и в прозе [14, с. 344–345 – глава «Создание тайны как ключевого жизненного и творческого принципа» в главе 5-й]. В «Яре» это понятие звучит многократно: «Залез только он <Анисим Карев> ранее срока на печь и, свесив голову, как последней тайны, ждал конца»; «Лежала тайна в груди ее <стогодовой Парани>, колотила стенки дряблого заочневшего тела, но, не находя себе выхода, замирала»

[10, т. 5, с. 62, 105]. Также в повести имеются дериваты, образованные от слова «тайна»: «“Что ты не видел там, у околицы, чего ждешь?” – шептал ему <К. А. Кареву> какой-то тайный голос» [10, т. 5, с. 119].

В «Что делать?» Чернышевский придавал большое значение понятию тайны – в первую очередь человеческих отношений, привел специальное теоретическое рассуждение о ней как о маркере уважения к личности. В разделе I главы 4-й он размышлял о недопустимости бесцеремонно совать «лапу в вашу интимную жизнь»: «Дело не в том, что этим нарушаются наши тайны: тайны более или менее крупные драгоценности, их не забываешь прятать, стеречь <...>» [4, с. 214]. Чернышевский верно подметил насчет открытости жизни простого народа: «<...> да и не у всякого есть они <тайны>, многим и ровно нечего прятать от близких. Но каждому хочется, чтобы в его внутренней жизни был уголок, куда никто не залезал бы, как всякому хочется иметь свою особую комнату, для себя одного» [4, с. 214].

Итак, мы привели параллели между «Яром» С. А. Есенина и «Что делать?» Н. Г. Чернышевского, но влияние романа писателя-философа XIX в. на творчество и жизнь поэта XX в. этим не ограничивается.

Список литературы

1. Никольский А. А. Сюжет мнимой гибели героя в повести С. А. Есенина «Яр» // Современное есениноведение. 2020. Вып. 4 (55). С. 48–49.
2. Чернышевский Н. Г. Суд над Чернышевским и Что делать?: Роман, написанный им в заключении. 1862–1863 / [С предисл. М. Элпидина]. 2-е изд. Genève : М. Элпидин, 1876 (тип. газ. «Работница»). XXVIII, 412 с.
3. Чернышевский Н. Г. Что делать?: роман, написанный им в заключении 1862–1863. [Вевей] : Современник, [1898]. 435 с. (Вырезки из журн. «Современник». 1863. Т. 95–96).
4. Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч. : в 10 т. Т. 9. Современник 1862–1863 (статьи экономические, отдел «Политика»); роман «Что делать?». СПб. : Издание М. Н. Чернышевского, Лештуковская паровая скоропечатня П. О. Яблонского, 1906. 246, 317 с.
5. Чернышевский Н. Г. Что делать? СПб. : Тип. М. М. Стасюлевича, 1906. 317 с.
6. Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч. : в 10 т. Т. 9. Пг. : Лит. изд. отд. Комиссариата нар. просвещения, 1918. 246, 317 с.
7. Прокушев Ю. Л. Юность Есенина. М. : Московский рабочий, 1963. 192 с.
8. Летопись жизни и творчества С. А. Есенина : в 5 т. (7 кн.). Т. 1. М. : ИМЛИ РАН, 2003. 736 с.

9. Денисюк Н. Ф. Николай Гаврилович Чернышевский. Его время, жизнь и сочинения (С портр. и 2 снимками: 1) Вилуйская тюрьма и 2) Чернышевский на смертном одре). М. : А. С. Панафилина, 1908. 196 с.
10. Есенин С. А. Полн. собр. соч. : в 7 т. (9 кн.). М. : Наследие ; Голос, 1995–2001.
11. Словарь современного русского народного говора (д. Деулино Рязанского района Рязанской области) / под ред. И. А. Оссовецкого. М. : Наука, 1969. 611 с.
12. Словарь русских народных говоров. Л. : Наука, 1972. Вып. 8. 370 с.
13. С. А. Есенин в воспоминаниях современников : в 2 т. / вступ. ст., сост., коммент. А. А. Козловского. М. : Художественная литература, 1986. Т. 1. 510 с.
14. Самоделова Е. А. Антропологическая поэтика С. А. Есенина: Авторский житнетекст на перекрестке культурных традиций. М. : Языки славянских культур, 2006. 920 с.
15. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 ч. М. : В тип. А. Семена, 1863. Ч. 1. 627 с.
16. Словарь русских народных говоров. Л. : Наука, 1969. Вып. 4. 355 с.
17. Словарь русских народных говоров. СПб. : Наука, 2007. Вып. 41. 342 с.
18. Гиляровский В. А. Москва и москвичи. Очерки старомосковского быта. М. : Советский писатель, 1935. 393 с.
19. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 ч. М. : Тип. Т. Рис, 1866. Ч. 4. 625 с.
20. Шубникова-Гусева Н. И. Открытие Страны Негодяев // Литературная учеба. 1997. № 3. С. 91–130.
21. Шубникова-Гусева Н. И. Поэмы Есенина: От «Пророка» до «Черного человека»: Творческая история, судьба, контекст и интерпретация. М. : ИМЛИ РАН ; Наследие, 2001. 688 с.
22. Философов Д. В. Слова и жизнь: Литературные споры новейшего времени (1901–1908 гг.). СПб. : Тип. АО типогр. дела, 1909. 324 с.
23. Солнцева Н. М. Проза С. Есенина // Проблемы научной биографии С. А. Есенина : сб. тр. по материалам Междунар. науч. конф., посвящ. 114-летию со дня рождения С. А. Есенина. М. ; Константиново ; Рязань : Пресса, 2010. 104–115 с.
24. Субботин С. И. Библиотека Сергея Есенина // Есенин на рубеже эпох: Итоги и перспективы : материалы Междунар. науч. конф., посвящ. 110-летию со дня рождения С. А. Есенина. М. ; Константиново ; Рязань : Пресса, 2006. С. 331–355.

Поступила в редакцию 29.08.2022; одобрена после рецензирования 03.10.2022; принята к публикации 30.11.2022
The article was submitted 29.08.2022; approved after reviewing 03.10.2022; accepted for publication 30.11.2022